

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 164–191.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 164–191.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-164-191

«MASSARY». ЗАГАДОЧНАЯ ПРОПИСЬ В РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1869–1870 ГОДОВ

Константин Абрекович Баршт
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия,
konstantin_barsht@pushdom.ru

Ирис Уччелло
Университет Вероны, Верона, Италия;
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, iris.ucello@univr.it

Автор, ответственный за переписку: Константин Абрекович Баршт

Аннотация. В статье представлен ряд версий, проясняющих появление в записной тетради Ф. М. Достоевского 1869–1870 годов каллиграфической прописи «Массагу», сделанной, вероятно, 8/20 декабря 1870 года в ходе размышлений над планом романа «Житие великого грешника», задуманного как серия произведений, объединенных общим сюжетом. Рассматривается несколько возможных гипотез — аллюзия на цикл «Ругон-Маккары» Э. Золя, упоминание итальянского художника Чезаре Маккари, американского богослова Вильяма Маккари, арабского ученого XVI века Ахмада ибн Мухаммад аль-Маккари, а также доктора Анже (Анджелло) Маккари, автора монументального труда по диагностике и лечению истерии, трактовавшейся в этот период времени как психическое заболевание, родственное эпилепсии. Как известно, писатель всю жизнь страдал от этого заболевания, весьма интересовался данной темой, в молодые годы активно читал и комментировал медицинскую литературу из библиотеки своего близкого друга и лечащего врача С. Д. Яновского. В своем творчестве писатель широко пользовался медицинским термином «истерия», которым в соответствии с представлениями медицинской науки первой половины XIX века определялся широкий круг психических заболеваний, а также описывал симптомы тяжелых нервных расстройств своих персонажей с несомненным знанием характерных симптомов стенического и астенического вариантов этой болезни. В статье проводится анализ работы А. Маккари с выяснением возможного круга аллюзивных связей этого труда с рядом эпизодов произведений писателя — повести «Вечный муж», романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Маккари, медицинская психология, истерия и эпилепсия, аллюзии, реминисценции

Ссылка для цитирования: Баршт К. А., Уччелло И. «Массагу». Загадочная пропись в рабочей тетради Ф. М. Достоевского 1869–1870 годов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 164–191. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-164-191.

“MACCARY.” A MYSTERIOUS NOTE
IN F. M. DOSTOEVSKY’S NOTEBOOK FROM 1869–1870

Konstantin A. Barsht

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia, konstantin_barsht@pushdom.ru

Iris Uccello

University of Verona, Verona, Italy;
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia, iris.uccello@univr.it

Corresponding author: Konstantin A. Barsht

Abstract. The article highlights a number of versions that explain the appearance of the calligraphic note “Maccary” in F. M. Dostoevsky’s notebook from 1869–1870, probably made on December 8/20, 1870, while he was thinking about the plan for the novel “The Life of a Great Sinner”, conceived as a series of works united by a common plot. Several possible hypotheses are considered — an allusion to E. Zola’s “Rougon-Macquart,” a mention of the Italian artist Cesare Maccari, the American theologian William MacCary, the 16th century Arab scholar. Ahmad ibn Muhammad al-Maqqarī, as well as Dr. Ange (Angelo) Maccari, the author of a monumental work on the diagnosis and treatment of hysteria, which was interpreted at that time as a mental illness related to epilepsy. As is known, the writer suffered from this disease all his life, was very interested in this topic, in his youth he actively read and commented on medical literature from the library of his close friend and attending physician S. D. Yanovsky. In his work, the writer widely used the medical term “hysteria,” which, in accordance with the concepts of medical science of the first half of the 19th century, included a wide range of mental illnesses, and also described the symptoms of severe nervous disorders of his characters with an undoubted knowledge of the characteristic symptoms of sthenic and asthenic variants of this disease. The article analyzes the work of A. Maccari with the clarification of the possible range of allusive connections of his work with a number of episodes of the writer’s works — the story “The Eternal Husband,” the novels “Crime and Punishment,” “The Idiot,” “Demons” and “The Brothers Karamazov.”

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. Maccari, medical psychology, hysteria and epilepsy, allusions, reminiscences

For citation: Barsht, K. A., Uccello, I. (2025) “‘Maccary.’ A Mysterious Note in F. M. Dostoevsky’s Notebook from 1869–1870,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(3), pp. 164–191. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-164-191.

Каллиграфическая пропись «Массару» находится на правом поле страницы записной тетради Достоевского 1869–1870 годов, выполнена в период окончания романа «Идиот», написания повести «Вечный муж» и обдумывания новых замыслов, включая цикл произведений под общим названием «Житие великого грешника», а также начала работы над романом «Бесы»¹. В этот период своего заграничного путешествия писатель проживал большей частью в Дрездене. Страница содержит план романа «Житие великого грешника», наиболее детализированный из всех известных:

Накопление богатства. Зарождающиеся сильные страсти. Усиление воли и внутренней силы. Гордость безмерная и борьба с тщеславием. Проза жизни и страстная вера, непрерывно ее побеждающая. «Чтоб все поклонились, а я прощу». Чтоб ничего не бояться. Жертвы жизнью. Действие разврата; ужас и холод от него. Желание всех марасть. (...) Или рабство, или владычество. Верует. И только.

[Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 126]

Предположительная последовательность заполнения страницы: авторская дата «20/8 декабря» (вероятно, 1869 год) в левом верхнем углу, название будущего произведения — «Житие великого грешника», ниже в столбик его фабульный каркас (15 строк), три готические композиции слева от записей, середина страницы занята заметками, продолжающими развитие и конкретизацию плана, ниже, посередине оставшегося от записей пространства писатель изображает еще одну готическую арку и справа от нее записывает еще один небольшой блок текста. Выше каллиграммы «Массару» изображена также недописанная заглавная буква Ж, вероятно, проба имени главного героя Живоедов, встречающаяся на других страницах черновика «Жития великого грешника» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 121–122]. На правом верхнем поле страницы изображена также прописная заглавная буква Х, вероятно, «Хроменькая» или «Хромоножка».

¹ См.: (РГБ. Ф. 93. Оп. 1. Карт 1. Ед. хр. 4). На странице находится авторская дата: «8/20 декабря» [Записные тетради Ф. М. Достоевского ... , 2021, с. 103].

Пропись «Massary» являет собой загадку. Возможно, она могла бы относиться к циклу романов Э. Золя «Ругон-Маккары», первый из которых, «Карьера Ругонов», в роли пролога к серии был создан французским писателем в 1868–1869 годах. По нашим данным, в период подготовки к написанию «Карьеры Ругонов» и работы над произведением Золя проявлял большую активность как журналист, опубликовав сотни статей в различных французских изданиях. С 1868 по 1870 год в газете «La Tribune», где он вел рубрику «Causerie», Золя опубликовал 62 статьи; в газете «Le Gaulois» с 1868 по 1869 год — 59 статей; с 1869 по 1870 год в газете «Le Rappel» — 7 статей; с 2 февраля по 17 августа 1870 года в газете «La Cloche» — 23 статьи; одна статья в газете «Le Sémaphore de Marseille» от 19 декабря 1870 года. Указания на роман «La Fortune des Rougon» в этих публикациях, по нашим данным, отсутствуют, выступления Золя большей частью имели политическую направленность, в них он весьма критически отзывался о состоянии французского общества и государства. Все это было возможно в силу того, что в 1868 году в стране был принят закон, устранявший предварительную цензуру. В газете «Le Gaulois» Золя публиковал свои статьи и рецензии в персональных обзорах «Livres d'aujourd'hui et de demain» («Книги настоящего и будущего»). В газете «Le Rappel» Золя живописал моральное разложение Второй империи, роскошь на фоне бедности, политическую безнаказанность и церковную поддержку творящейся в обществе несправедливости, коллапс экономики и разложение армии. 13 мая 1870 года в этом издании он опубликовал большую статью о творчестве Бальзака. В «La Cloche» Золя публикует тексты социально-общественной тематики, содержащие критические выпады против политического строя в стране. В главной оппозиционной газете страны «La Tribune» Золя создал рубрику «Le Causerie»; из написанных им шестидесяти двух статей двадцать две посвящены литературе и искусству, семь — политические, тринадцать — беллетристического характера, три наполнены случаями из его личной жизни и семнадцать рассказывают о различных событиях в стране. Публикации в «La Tribune» охватывают весь спектр тематики раннего творчества Золя. Эта работа оказалась фундаментом для построения сюжета и композиции «La Fortune des Rougon». В целом Золя вступил в полезный для него контакт с историческими сведениями, которые стали основными источниками для его цикла «Ругон-Маккары». Это, в первую очередь, Тено, Маккан и Блаше [Kanes, 1964, p. 475]. Краткий конспект книги Э. Тено «Провинция в декабре 1851 года» названа в подготовительных материалах Золя к «Карьере Ругонов». Вероятно, именно благодаря этой публикаторской деятельности Золя впервые познакомился с работой Таксила Делора [Kanes, 1964, p. 475]. Газета «La Tribune» активно критиковала правительство

во всех возможных направлениях, постоянно обращаясь к прошлому в поиске истинных причин нынешних недостатков и неудач. Принято считать, что именно эта журналистская работа и подготовила писателя к созданию его цикла «Ругон-Маккары». Существуют исследования, в которых прямо связываются элементы газетной публицистики Золя с романами цикла [Kubler, 2017; Kanés, 1964, p. 473–483]. Свой первый эпизод двадцатитомной серии, роман «Карьера Ругонов», Золя начал писать зимой 1868 года в Париже и завершил работу над ним в мае 1869 года [Емельяников, 1962, с. 669], о чем знали многие его коллеги по литературе.

В этих публикациях пока не удалось обнаружить комментарий писателя к своему роману «*La Fortune des Rougon*», реплики об этом замысле поступали к Золя от его коллег, однако лишь в личной переписке. Следует также отметить, что роман стал широко известен лишь после издания седьмого произведения цикла «Западня» («*L'Assommoir*»), до этого момента «Ругон-Маккары» большой популярностью не пользовались. Одной из причин была Франко-прусская война, отвлекавшая публику от изящной словесности.

Комментируя «планы» «Жития великого грешника», Т. А. Лапицкая указывает: Достоевский намеревался, «быстро закончив роман “Бесы”, освободиться от него к осени 1870 г. для работы над “Житием”», и в течение первой половины 1870 года он несколько раз фиксировал основную мысль своего произведения в виде новых версий «планов». Поглощенный работой над «Бесами», писатель пытается «закрепить для памяти в тетради основные линии задуманной эпопеи. При этом в своей обычной манере, перечитывая собственные записи, он вполне мог что-то добавить на страницу, где уже ранее был намечен план “Жития”» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 508].

Выполнить свое намерение Достоевскому не удалось, но желание определить «Житие великого грешника» основным делом своей жизни сохранялось, отступая «в более или менее отдаленное будущее» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 508]. В письме к племяннице С. А. Ивановой от 7 (19) мая 1870 года он рассказывает об этом замысле, в другом письме к ней же жалуется, что «Бесы» ему надоели и он «не о том хотел писать», опять намекая на «Житие». О намерении вернуться к этому замыслу он писал также В. В. Кашпиреву в середине августа 1870 года [Достоевский, 1972–1990, т. 29, кн. 1, с. 132–133], Н. И. Страхову в письме от 2 (14) декабря 1870 года [Достоевский, 1972–1990, т. 29, кн. 1, с. 150]. В этот период Достоевский мог познакомиться с текстом первых глав романа Золя «Карьера Ругонов» по публикации во французской газете «*Le Siècle*», весьма оппозиционной к правительству и очень популярной в этот период. Усиленное чтение Достоевским русских и французских газет в период

Франко-прусской войны отмечено многими исследователями. Важность выхода в свет произведения Золя подчеркивалась тем, что главы романа печатались в газете «Le Siècle» с 28 июня по 10 августа 1870 года ежедневно в рубрике «Feuilleton du Siècle». Заметим, что газета была известна критическим отношением к императору Луи-Филиппу, персоне которого, как мы знаем, интересовала Достоевского. 10 августа 1870 года на шестой главе публикация прервалась, сам писатель уехал, спасаясь от военных действий, на юг страны [Емельяников, 1962, с. 671].

Обратим внимание на принципиальное сходство замыслов двух писателей — создать многотомную эпопею историко-психологического плана. Подобно Э. Золя, Достоевский намеревался писать протяженную общественно-семейную хронику, охватывающую целый ряд тем и сфер общественной жизни. Для писателя характерно было обращать внимание на творчество коллег по литературе, вступать с ними в творческий спор, вступать в соревнование с ними. Так, обдумывая план будущего творения, он сравнивал его с романами И. С. Тургенева, «Войной и миром» Л. Н. Толстого [Достоевский, 1972–1990, т. 29, кн. 1, с. 112, 136]. И, разумеется, его не мог не интересовать столь же грандиозный замысел Э. Золя, который пытался вместить историю Франции середины XIX века в описание жизни нескольких поколений одной семьи. Нельзя исключить, что в эти годы Достоевский был в курсе того, что роман Э. Золя «Карьера Ругонов» [Золя, 1962] — это своего рода пролог большой серии произведений под общим названием «Ругон-Маккары», охватывающих историю одной семьи в период первой и второй Французских революций [Емельяников, 1962, с. 665–678]. После незавершенной публикации 1870 года роман вышел отдельным изданием в октябре 1871 года [Zola, 1871] (см.: [Кучборская, 1973, с. 38]).

В русской публицистике название романа Золя появилось лишь в апреле 1872 года в газете «Новое время», которая сообщала: «На днях мы приступим к печатанию романа Emil’я Zola: “La fortune des Rougon”, составляющего первый эпизод целой эпопеи, в которой талантливый автор хочет изобразить, в рамках семейной хроники, нравы второй империи под общим заглавием: “Les Rougon-Macquart”» [Новое время, 1872, № 104, с. 1]. Начиная с этого времени в России ежегодно выходят переводы романов Золя. Например, в 1873 году состоялось пять переводов «Чрева Парижа». Золя обрел огромную популярность, в журналах во множестве появлялись статьи о нем и его произведениях. Среди авторов, дававших рецензии на его книги, были П. Д. Боборыкин, В. Г. Авсеенко, Вс. С. Соловьев [Клеман, 1930]. В «Вестнике Европы» появилась публикация В. Чуйко «Вторая империя в романах Эмиля Золя», знакомящая с фабульной основой и главными темами романов «Карьера Ругонов» и «Добыча» [В. Ч., 1872].

Золя обрел известность в русских литературно-общественных кругах, был лично знаком с И. С. Тургеневым, по его просьбе участвовал в благотворительной акции в помощь русским студентам, обучающимся во Франции, читал отрывок из «Карьеры Ругонов». В русской критике Достоевского не раз сравнивали с Золя [Летопись ... , 1999, с. 412]. В статье В. П. Буренина роман Э. Золя «Тереза Ракен» сравнивается с «Преступлением и наказанием» «по силе потрясающего впечатления и отчасти по уголовно-психологическому содержанию» [Буренин, 1871].

Многие годы Достоевский с удовольствием читал произведения Золя на французском языке, например в период лечения в Эмсе — «Чрево Парижа» («Le ventre de Paris»). В его библиотеке находилось пять произведений автора на языке оригинала, помимо «Карьеры Ругонов» это «Чрево Парижа», «Завоевание Плассана», «Добыча» и «Проступок аббата Муре» [Библиотека Ф. М. Достоевского ... , 2005, с. 141]. В «Дневнике писателя» за 1876 год Достоевский высказал множество замечаний о своеобразии «Чрева Парижа», полемизируя с автором по широкому кругу вопросов. Достоевский охотно цитировал романы Золя, работая над июльским и августовским номерами своего журнала за 1876 год, записал одобрительную реплику об одном из эпизодов «Чрева Парижа» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 180, 201]. Готовя выпуск «Дневника писателя» за 1876 год, он вспоминает «красавицу Лизу» из этого произведения Золя и записывает: «Параллель семьи социальной. Брак association libre² (esclave³) Zola и брак по Христу, где esclave немислимо» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 247–248].

Как и Э. Золя, Достоевский живо воспринимал научные труды в области физиологии и психологии человека, например «Введение в экспериментальную медицину» известного физиолога Клода Бернара. Эта книга в 1866 году была переведена его другом и сподвижником Н. Н. Страховым. Как и Э. Золя, посвятившего свой романый цикл исследованию разновидностей бонапартизма, Достоевского глубоко интересовали личности двух Наполеонов, «и великого, и теперешнего» (Наполеона Бонапарта I и Луи-Филиппа, Наполеона III) [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 112].

Принимая предположение об аллюзии каллиграммы Достоевского на «Ругон-Маккаров» Золя, мы сталкиваемся с двумя проблемами. Первая — название цикла романов Э. Золя в оригинале выглядит иначе — «Les Rougon-Macquart». Далее возникает трудный вопрос: когда была сделана запись, до или после июля 1870 года? И обратил ли он в июле 1870 года внимание на роман Золя в

² Свободная связь (фр.).

³ Раб (фр.).

газете «Le Siècle», просматривая сообщения о начале Франко-прусской войны? Откуда еще Достоевский мог почерпнуть сведения об этом грандиозном проекте французского писателя, уместность мысли о котором при создании плана «Жития великого грешника» не вызывает никаких сомнений — по своему объему и значению для творческой судьбы писателя «Ругон-Маккары» выглядят более чем похожими на также запланированное состоящим из нескольких произведений «Житие великого грешника» Достоевского. Возможно, писатель отобразил латинскую транслитерацию русского названия задуманной Эмилем Золя серии романов, получив информацию о ней в устной форме. Страница имеет авторскую дату 8 (20) декабря 1869 года. В июле — августе 1870 года состоялась первая публикация романа Золя, но писатель любил возвращаться «к старым записям» в своих «письменных книгах» и часто дописывал ранее заполненные страницы. Так или иначе, до поступления новых данных на эту тему гипотеза остается недоказуемой, но по-прежнему актуальной.

Помимо этого, возможно выдвинуть еще несколько версий о происхождении записи.

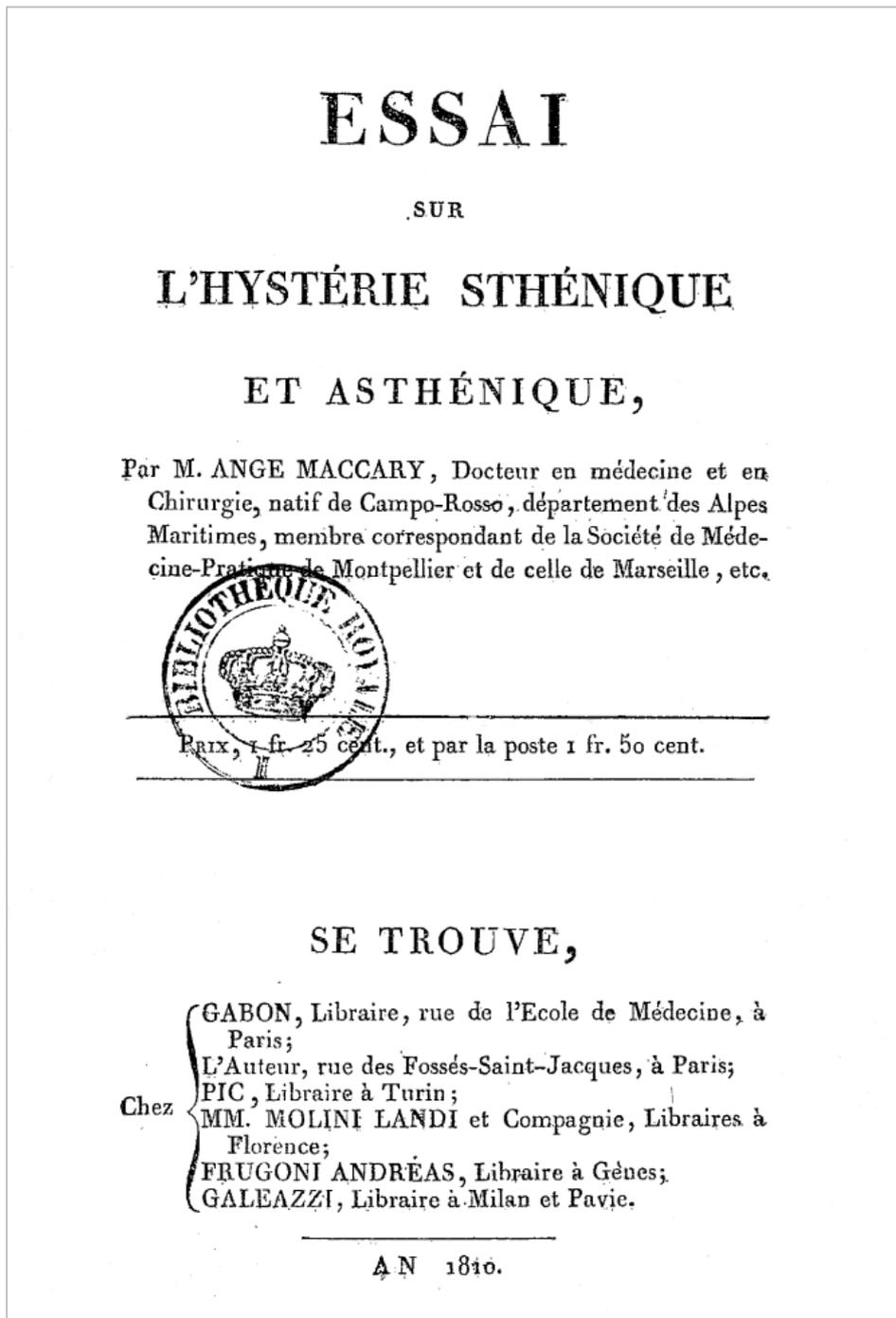
В окружавшем его культурно-общественном поле Достоевскому могло встретиться имя французского энциклопедиста, ученого-естествоиспытателя Пьера Жюстена Мари Маккара (Pierre Justin Marie Macquart) (1778–1855), помимо биологии занимавшегося и политической деятельностью. Весьма видное место в мировой культуре занимает также алжирский историк и биограф Ахмад ибн Мухаммад аль-Маккари (1577–1632), автор «Дыхания аромата с ветки зеленой Андалусии», одного из самых выдающихся памятников культуры мусульман Испании, переведенного на многие языки, включая французский («*Analectes sur l'histoire et la littérature des Arabes d'Espagne*», издано в Лейдене в 1855–1861). В конце 1860-х годов в Италии получил большую известность молодой живописец и скульптор Чезаре Маккари (Cesare Mascari, 1840–1919), выигравший в 1869 году престижную премию «*Prix de Rome*», о чем писали газеты, в том числе и французские. Награда была важнейшим достижением для любого деятеля искусства того времени. Конкурсы на соискание этой премии освещали «*La Revue des Deux Mondes*», «*L'Artiste*», другие издания. В европейских газетах появлялось также имя Вильяма Маккари (ок. 1811 — после 1854), богоискателя-энтузиаста афроамериканского происхождения, священника Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (LDS Church), который провозгласил себя пророком, за что в 1847 году был отлучен от церкви. Это не остановило его общественно-религиозной деятельности. Маккари пытался создать новое религиозное движение, фактически повторяя сущность деятельности православного архимандрита Феодора, расставшегося с церковью и своим

саном ради возможности свободного религиозного поиска. А мы знаем, с какой симпатией и сочувствием относится к архимандриту Феодору (А. М. Бухареву) Достоевский [Баршт, 2022, с. 222–283].

Однако приведенные версии имеют характер осторожных предположений. Мы хорошо знаем, что в каллиграфических прописях, сделанных во время творческой работы, Достоевский не уходил мыслью от задуманного им сюжета произведения. Более того, его каллиграммы в роли графических записей-размышлений всегда имеют смысловую связь с контекстом страницы, соседствующими черновыми записями. Учитывая это, обратим особое внимание на следующую версию, объясняющую происхождение прописи.

Речь идет об известном французском медицинском психологе и хирурге Анже (Анджелло) Маккари (Angelo Maccary), члене многочисленных медицинских сообществ, авторе получивших признание работ: «Эссе о стенической и астенической истерии, написанное господином Анджело Маккари» («Essai sur l'hystérie sthénique et asthénique, par M. Ange Maccary», 1810), «Трактат о полисархии» («Traité sur la polysarcie», 1820), «Медицинский отчет доктора Анджело Маккари, описывающий болезнь и смерть господина Джузеппе Шартру, который умер в Ницце 21 июня 1832 года» («Relazione ed osservazioni del S. medico Angelo Maccary intorno alla malattia de Signor Giuseppe Chartroux, il quale n'è deceduto in Nizza marittima il 21 giugno», 1832). Даты рождения и смерти Анже Маккари неизвестны, однако его имя многократно упоминается в медицинских и научных трактатах первой половины XIX века: 1) *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences, Littérature et Beaux-Arts de Turin*. Turin: Chez Félix Galetti, imprimeur de l'Académie impériale. 1813. P. LVIII; 2) *Mémoires de l'Académie de Savoie. Deuxième série, Tome V*. Chambéry: Académie de Savoie, 1862. P. IX; и др.

Уроженец Кампо-Россо (Campo-Rosso, департамент Приморских Альп), он имел звание доктора медицины и хирургии, состоял член-корреспондентом ряда научных обществ, в том числе Общества практической медицины в Монпелье и Марселе, медицинского общества «Эмуляция», Общества медицинского образования в Париже, а также Падуанского медицинского общества. В числе наиболее известных эпизодов его медицинской практики — вскрытие тела епископа Фельтре Бернара-Мари Каренцони (Bernard Marie Carenzoni), представителя Венецианской республики, скончавшегося 21 августа 1812 года в возрасте 64 лет [Bonnet, 1841, p. 125]. Аутопсия была проведена через двадцать три часа после смерти в присутствии известных врачей того времени, включая миланского хирурга Дж. Паллета и доктора Булуа. В этом источнике он характеризуется как врач, «испытывающий искреннее стремление содействовать прогрессу науки, которой он преданно занимается»

Титульный лист книги А. Маккари

(«plein de désirs pour l'avancement de la science qu'il cultive avec zèle») [Bonnet, 1841, p. 125]⁴.

Вероятно, Достоевского, работавшего над проектом большого романа, посвященного жизнеописанию богоискателя, одержимого сильными страстями, заинтересовала книга доктора Маккари о тяжелых случаях душев-

⁴ Авторы выражают благодарность В. М. Лурье за предоставление этих сведений.

ных расстройств — «Эссе о стенической и астенической истерии» («Essai sur l'hystérie sthénique et asthénique») [Maccary, 1810]).

В своем труде доктор медицины создал развитую типологию отклонений в психике человека, выделяя два типа истерии — стеническую и астеническую. Эти термины позже стали классическими в медицинской психологии, определив симптоматику болезненного состояния и особенности поведения теряющего самоконтроль больного. По Маккари, стеническая истерия характеризуется высоким уровнем активности пациента, включая интенсивные эмоциональные всплески, агрессивные поступки и другие спонтанные проявления. Астеническая истерия, напротив, проявляется в виде апатии, ощущения усталости и безразличия. Исследование Маккари в русле представлений медицинской науки начала XIX века трактовало истерию расширительно. Оно включало туда широкий круг психических расстройств, в том числе отклонения, вызванные повышенной страстностью натуры, чрезмерно эмоциональной реакцией нервной системы на внешний раздражитель, включая эпилепсию.

В связи с этим не будем упускать из виду особенность построения Достоевским сюжетно-событийной канвы произведений, в которых столь заметную роль играют ссоры, скандалы, бурные объяснения, откровенные признания, неожиданные поступки, болезненные припадки, обмороки, внешне немотивированные движения — все то, что характеризует лиц, находящихся в крайне возбужденном, психически неуравновешенном состоянии. Зная, с каким уважением относился Достоевский к медицинской науке, можно утверждать, что он не мог не быть заинтересован в получении передовых научных данных о синдромах человеческой психики. Тем более что эпилепсия, которой писатель был болен с юности, и истерия определялись в эти годы как родственные функциональные нарушения, вызванные расстройствами нервной системы и обозначаемые общим понятием «нервозность» или «невроз».

Свой трактат о психических расстройствах Маккари начинает именно с того, что истерия является серьезным хроническим заболеванием нервной системы: «Истерия встречается в медицинской практике чаще, чем все другие хронические нервные заболевания, которые ряд современных врачей, следуя примеру древних, называют “паровыми” заболеваниями» («L'hystérie se montre plus fréquemment dans la pratique de la médecine que toutes les autres maladies nerveuses chroniques que quelques modernes, à l'exemple de plusieurs médecins anciens, ont appelées vaporeuses») [Maccary, 1810, p. 1]⁵. И далее: «Истерия, как и многие другие нервные заболевания, может зависеть от стениче-

⁵ Здесь и далее цитаты из книги А. Маккари — в пер. И. Уччелло.

ского или астенического диатеза» («L'hystéricie, comme tant d'autres maladies nerveuses, pouvait dépendre de la diathèse sthénique ou de l'asténique») [Maccary, 1810, p. 2]. Связь между истерией и эпилептическими припадками, по Маккари, очевидна. В своем труде он скрупулезно анализирует работы предшественников, формируя обзор истории вопроса. Согласно его описанию, эпилепсия и стеническая истерия имеют общий корень:

Лечение стенической истерии ничем не отличается от лечения стенических судорог и эпилепсии, имеющей ту же природу. Куллен считает, что между ними так много общего, что он охотно опускает обсуждение специфического лечения рассматриваемого заболевания и отсылает к лечению эпилепсии. Ван Свитен предлагает одинаковое лечение обоих заболеваний; однако я не могу не упомянуть то, что собрано в различных источниках по поводу истерии, и то, что я наблюдал сам в своей практике. (Le traitement de l'hystérie sthénique ne diffère en rien de celui de la convulsion sthénique et de l'épilepsie de même nature. Cullen pense qu'il y a tant d'analogie entre elles, qu'il omet très-volontiers de parler du traitement particulier de la maladie que nous traitons, et il renvoie à celui de l'épilepsie. Van Swieten donne un seul traitement pour les deux maladies; je ne puis cependant passer sous silence ce qu'on recueille dans divers auteurs touchant l'hystérie, et ce que j'ai observé moi-même dans ma pratique.)

[Maccary, 1810, p. 30]

Подобного рода функциональное уравнивание эпилепсии и истерии будет впоследствии опровергнуто наукой, однако в начале XIX века царствовало расширенное понимание термина «нервозность», который служил определением широкого круга психических нарушений в поведении человека, обозначенных также общим термином «истерия». Маккари не указывает, когда именно возникло научное представление об истерии, но отмечает древнегреческую и древнеегипетскую медицинскую науку в роли родоначальников понимания этого явления, в частности Гиппократ, который одним из первых описал симптомы заболевания. В Средние века и эпоху Возрождения истерия рассматривалась как проявление демонической одержимости или маниакального следования идее, пишет Маккари. Близко к такому пониманию Достоевский в своем романе «Бесы» описывал неистовую одержимость участников кружка Петра Верховенского. В начале XIX века, в соответствии с прогрессом медицинской науки, в Европе возник значительный интерес к природе нервных и психических расстройств. Помимо работ А. Маккари, это труды Филиппа Пинеля, Уильяма Каллена, Пьера Брике [Pinel, 1809; Cullen, 1769; Briquet, 1859].

Отметим, что в своих произведениях Достоевский пользовался набором медицинских терминов, вполне соответствующих парадигме современной ему науки, отраженной в труде Маккари: мания, помешательство, безумие — «la manie» [Maccary, 1810, p. 25, 28–29], бред — «le delire» [Maccary, 1810, p. 2, 43, 44, 70], исступление, истерика, белая горячка, падучая болезнь, эпилепсия [Maccary, 1810, p. 65, 68, 69, 70, 72, 75, et al.]. Достоевского могло заинтересовать, как Маккари объясняет такого рода явления: беспорядочные судорожные движения, дрожь и конвульсии и др., сопутствующие тяжелому психическому расстройству. Нельзя исключить, что Достоевский ориентировался на формулировки Маккари, когда, работая над «Преступлением и наказанием», записывал: «...как в истерике. — Вчера я тебе за страдание твое поклонился, — тихо продолжал он, — а нынче ты... обнимаешь меня... Сравнялись. Вот ты мне вдруг ты стала говорить. Знаешь ли, что... я этому рад... да, Соня, — бормотал он, силясь выразить беспорядочные свои ощущения» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 288]. Маккари подчеркивает:

Ум, охваченный множеством идей, впадает в бредовое состояние, во время которого больные много говорят; пульс становится неровным, учащенным; иногда оказывается невозможно его сосчитать из-за напряженного ритма. Этот набор симптомов длится более или менее долго при тяжелой форме стенической истерии и исчезает при наступлении летаргии. Последняя иногда настолько значительна, что напоминает настоящую апоплексию; но она не длится в течение всего приступа, так как истерики просыпаются, рыдают, плачут, снова впадают в то же состояние или в настолько выраженный обморок, что неопытные люди могли бы принять его за настоящую смерть. (L'esprit agité par un grand nombre d'idées entre dans le délire, pendant lequel les malades parlent beaucoup; l'état du pouls est très-variable, mais le plus souvent il est accéléré et fréquent; quelquefois il est impossible de compter les pulsations qui sont généralement tendues. Cette variété de symptômes est plus ou moins durable dans l'hystéricie sthénique grave, et disparaît lorsque la léthargie survient. Cette dernière est quelquefois si considérable, qu'elle est l'image d'une vraie apoplexie; mais elle ne dure pas pendant tout l'accès, car les hystériques se réveillent, sanglottent, pleurent, retombent dans le même état ou dans une syncope si bien prononcée, que des gens peu expérimentés pourraient la prendre pour une mort réelle.)

[Maccary, 1810, p. 5]

В соответствии с наблюдениями Маккари, Раскольников после убийства впадает именно в такое состояние многодневной «летаргии».

В романе «Идиот» обнаруживается немало эпизодов, которые выглядят как парафразы описаний течения болезни из книги Маккари. Так, князь Мышкин лечился в Швейцарии от «какой-то странной нервной болезни, вроде падучей или виттовой пляски, каких-то дрожаний и судорог» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 6]; приговоренный к смерти преступник доведен, по мнению Мышкина, до «душевных судорог» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 20]; лицо Гани Иволгина, которого женят на презираемой им женщине, страшно «искажилось», самого его поразило «столбняк», «губы закривились от судороги» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 88]; примерно в таком же состоянии находится Рогожин, принимающий в гости князя Мышкина: «мелкая, беглая судорога» не покидала его лица [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 171]; князь Мышкин, потрясенный намерением Рогожина его убить, падает в истеро-эпилептическом припадке: «Страшный, невообразимый и ни на что не похожий вопль вырывается из груди; (...). От конвульсий, биения и судорог тело больного спустилось по ступенькам, которых было не более пятнадцати, до самого конца лестницы» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 195]; от сильнейшего нервного потрясения в судорогах умирает генерал Иволгин [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 429]. Маккари указывает: «Судорожные движения у истеричных особ показывают, насколько велика их мышечная сила; во время тяжелых приступов лицо становится бледным и опухает, как и вены на шее» («Les mouvements convulsifs des hystériques prouvent combien leur force musculaire est grande; pendant les accès graves le visage devient livide et se gonfle, ainsi que les veines du cou et le cou lui-même») [Maccary, 1810, p. 10]; «Наиболее часто наблюдаются судороги в конечностях, мышцах нижней части живота, шеи, лица; наблюдается спазм мышц внутренних органов — желудка, кишечника, мочевого пузыря, сердца, поражаются также диафрагма и бронхи; отмечаются рвота, рыдания, хрип, кашель и затрудненное дыхание» («Le plus communément, il y a des convulsions aux extrémités, aux muscles du bas-ventre, à ceux du cou, du visage; les muscles creux de l'intérieur, tels que l'estomac, les intestins, la vessie, le coeur n'en sont pas moins attaqués ainsi que le diaphragme et les bronches; l'on remarque aussi des vomissemens, des sanglots, le ronflement, la toux et la difficulté de respire») [Maccary, 1810, p. 42].

Многочисленные описания эмоциональных взрывов, которые содержатся в произведениях Достоевского, включают детали, которые мы обнаруживаем в книге Маккари, в описаниях особенностей поведения страстной невротической натуры: «Душа тогда подвергается всем страстям: печали, отчаянию, ярости. Слезы, вызванные страхом смерти, из глаз больного текут обильные слезы, в других случаях является саркастический смех» («L'âme est en proie alors à toutes les passions, à la tristesse, au désespoir, à la fureur. Des larmes qu'arrachent la

crainte de succomber, coulent ordinairement des yeux des malades; d'autres fois elles ont le rire sardonique») [Maccary, 1810, p. 4–5]. Смех, переходящий в рыдания, — характерная черта Настасьи Филипповны в романе «Идиот». Она «ужасно страдала» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 31], и к такого рода смеху она призывает и Мышкина: «Да что ты плачешь-то? Горько, что ли? А ты смейся, по-моему, — продолжала Настасья Филипповна...» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 144]. Что означают слова «по-моему», раскрывается в следующем диалоге: «Она смеялась со злобы» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 362]. Раскрывая психологический механизм такой модели поведения, Маккари замечает: «...иногда они саркастически смеются. Бывает, что болезнь доводит их до угроз и даже попыток ударить собеседника, после чего они снова впадают в отчаяние и грусть: эти различные состояния души меняются с огромной скоростью» («...d'autres fois elle ont le rire sardonique. Il arrive quasi que les maladies se portent jusqu'aux menaces et même aux coups, et qu'elles retombent ensuite dans le désespoir et la tristesse: ces états divers de l'âme se succèdent avec la plus grande rapidité») [Maccary, 1810, p. 4–5].

Резкие переходы от веселости к горестной насмешке и сарказму свойственны и Аглае, которая временами смеется «...веселым и неудержимым хохотом...», а затем, вдруг «...самым сумасшедшим, почти истерическим хохотом...» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 284, 427] (см.: [Алексеева, 2018]). Маккари, анализируя подобного рода состояния, замечает: «Многочисленные и разнообразные необузданные желания, которые мучают истеричных женщин; легкость, с которой они то смеются, то плачут, испытывая то страх, то радость, заставляют поверить в возможность такого рода состояний их нервной и мышечной систем» («Les passions nombreuses et variées qui tourmentent les femmes hystériques; la facilité avec laquelle elles sont tantôt forcées de rire, tantôt de pleurer, quelquefois de craindre, quelquefois d'être joyeuses, on fait croire possible un tel état du système nerveux et musculaire») [Maccary, 1810, p. 46].

В записной тетради Достоевского с авторской датой 14 февраля [1866 года] есть такая запись:

Страстные и бурные порывы, клочкотание и вверх и вниз; тяжело носить самого себя (натура сильная, неудержимые, до ощущения сладострастия, порывы лжи (Иван Грозный)), много подлостей и темных дел, ребенок (NB умерщвлен), хотел застрелиться. Три дня решался. Измучил бедного, который от него зависел и которого он содержал. Вместо застрелиться — жениться. Ревность. (Оттягал 100 000.) Клевета на жену. Выгнал или убил *приживальщика*. [Вдруг] бесмрачный, от которого не может отвязаться.

[Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 156]

Маккари описывает ощущения, которые испытывают такие натуры: «Больные чувствуют, как шар катится по их внутренностям, поднимается к горлу и к задним носовым проходам, угрожая удушьем» («Les malades sentent comme un globe qui roule dans leur abdomen, monte vers le gosier et les arrières narines, et les menace de suffocation») [Maccary, 1810, p. 5].

Итак, в отличие от стенической истерии, которая, по Маккари, проявляется в виде гиперактивности, чрезмерной эмоциональности, агрессивности, астеническая модель истерии выражается общей слабостью, апатией и постоянной нервозностью. Маккари указывает: «Астеническая истерия сопровождается бурчанием в животе, жаждой, ощущением удушья и сжатия; судорогами, особенно в конечностях, изменением мыслей, печальными эмоциями...» («L'hystérie asthénique s'accompagne de borborigme, de soif, de sentiment de suffocation et de constriction; de mouvemens convulsifs cloniques qui siègent spécialement dans les membres, d'un changement d'idées, de passions tristes...») [Maccary, 1810, p. 41]. Родион Раскольников периодически демонстрирует гиперактивность и приступы агрессии, внутренние терзания и чрезмерная эмоциональность способствуют принятию решения об убийстве. Маккари подчеркивает: «Стеническая истерия (...) вызывает раздражение и ведет к готовности больного противостоять любым угрозам» («L'hystérie sthénique (...) Elle s'irrite et se montre capable de braver tous les dangers») [Maccary, 1810, p. 9]. Маккари особо подчеркивает агрессивную гиперактивность человека, находящегося в истерическом состоянии, готовность отстаивать свое достоинство, на которое, как ему кажется, посягают окружающие. Таково поведение Настасьи Филипповны в сцене сожжения денег в камине [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 145–156] или в эпизоде, когда она вырывает из рук спутника трость и бьет ею по лицу оскорбившего ее офицера [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 290–291]. Признаки истерической гиперактивности демонстрирует в романе «Братья Карамазовы» Федор Павлович, впадая в состояние злобной агрессии по отношению к окружающим.

Напротив, Ипполит Терентьев в «Идиоте» проявляет явные признаки астенической истерии, выражающиеся в слабости и раздражительности. В описаниях симптоматики истерического состояния или состояния тяжелого нервного истощения в произведениях Достоевского и в труде А. Маккари находится немало сходных черт. Ставрогин в «Бесах» явно демонстрирует признаки апатии и кажется вялым и безжизненным, что, по Маккари, можно рассматривать как крайнюю форму истерии астенического типа. В том же произведении:

Marie вдруг подняла голову и болезненно прокричала:

— Не смейте мне больше говорить об этом, никогда не смейте, никогда не смейте!

И она опять упала на постель в припадке той же судорожной боли; это уже в третий раз, но на этот раз стоны стали громче, обратились в крики.

— О, несносный человек! О, нестерпимый человек! — металась она, уже не жалея себя, отталкивая стоявшего над нею Шатова...

[Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 443]

В «Братьях Карамазовых» с Катериной Ивановной случился припадок: «Она рыдала, спазмы душили ее. Все около нее суетились» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 140]. Аллюзивный оттенок, заставляющий нас вспомнить описания астенической истерии в книге Маккари, также имеет внешность Лизы в романе «Братья Карамазовы»: «Войдя к Лизе, он застал ее полулежащую в ее прежнем кресле, в котором ее возили, когда она еще не могла ходить. Она не тронулась к нему навстречу, но зоркий, острый ее взгляд так и впился в него. Взгляд был несколько воспаленный, лицо бледно-желтое. Алеша изумился тому, как она изменилась в три дня, даже похудела» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 20]. У Маккари читаем: «...внезапно ее лицо меняется, она становится слабой, губы и руки становятся холодными и белыми, как снег...» («...elle devient faible, les lèvres et les mains deviennent froides et blanches comme la neige...») [Massary, 1810, p. 60].

Резкие смены настроения, переходы от бешеной активности к апатии и безразличию, неожиданные и необъяснимые даже самим человеком выходы — предмет внимательного, скрупулезного анализа медицинского психолога А. Маккари. Он пишет: «Сонливое состояние больного неожиданно сменяется бредом, то тихим, то вдруг злобным и яростным» («L'état soporeux alterne quelquefois avec le délire, qui est maintenant taciturne et un moment après babillard et furieux») [Massary, 1810, p. 43–44]. Примером такого состояния является поведение Николая Ставрогина, который без всякой причины вцепляется зубами в ухо бывшего генерал-губернатора Ивана Осиповича [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 42–43], а потом извиняется, как бы сам недоумевая, зачем он это сделал, в другом случае он неожиданно хватается за нос уважаемого Павла Павловича Гаганова, буквально воплотив в жизнь метафору «водить за нос» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 38–39]. Подобного же рода резкие переключения свойственны поведению Раскольникова, движущегося хаотически и с трудом выдерживающего последовательную линию в поведении, немотивированно меняющего свои решения. В своей тетради Достоевский записывает:

«NB Психологическая черта. NB. Он у матери, или где-нибудь, или идет по улице, и вдруг бросает всё, бежит домой и — в угол, к обоям, в дыре: не осталось ли там как-нибудь, не забыл ли он как-нибудь какой-нибудь вещи, когда вытащил тогда из дыры, чтоб идти бросить?» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 177]. Раскольников готов одновременно плакать и смеяться над собой и окружающими; в вариантах текста белого автографа хорошо видно, как двигалась мысль писателя: «Он сел опять (...) с недоумением. / а. Осмотревшись, Раскольников сел на диван и вдруг по причудливому, чуть не [по] истерическому побуждению вдруг расхохотался, б. Я? Ничего... — ответил он и сел, осматриваясь» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 248]. Подобного рода модель поведения, в котором периоды сильного нервного возбуждения чередуются с наступлением тяжелой апатии, свойственна многим персонажам Достоевского. Таков, например, Кириллов в «Бесах», сильнейшая экзальтация которого резко переходит в оцепенение, каждый раз ставящее в тупик беседующего с ним Петра Верховенского.

Многочисленные прямые указания на истерические состояния персонажей Достоевского не позволяют усомниться в том, что писатель был хорошо знаком с современными представлениями о тяжелых нервных расстройствах, которые нередко поджидают человека, сосредоточенного на решении «проклятого» экзистенциального вопроса. Под заголовком «Особенные ноты. Мысли и фонд» Достоевский записывает: «Аглая уходит к Гане, и там истерическая сцена сожжения пальца» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 285]. Этот эпизод не вошел в роман «Идиот», однако в книге Маккари есть описания случаев, когда больные во время припадка причиняют себе физическую боль: «Нет такого судорожного движения, которое не испытывали бы истеричные женщины; скрежет зубов у некоторых больных был настолько сильным, что челюсть трескалась» («Il n'est point de mouvement convulsif que les femmes hystériques n'aient éprouvé; le grincement des dents a été quelquefois tel, chez certaines malades, que la mâchoire en a été fracture») [Massary, 1810, p. 42].

В период, когда в тетради Достоевского появилась каллиграмма «Massary», шла работа над повестью «Вечный муж». Достоевский записывает: «Она [Лиза], казалось, была в настоящей истерике, истерически всхлипывала и тянулась руками к Павлу Павловичу, как бы желая охватить его, обнять его, умолить и упросить о чем-то» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 30]. «Она вдруг бросилась целовать ему руки; она плакала, едва переводя дыхание от рыданий, просила и умоляла его, но он ничего не мог понять из ее истерического лепета» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 41]. Далее, в беседе персонажей проводится анализ ее поведения с достаточно прозрачным выводом:

— Она не больна? — как-то странно, торопливо спросил он.

— Кажется бы, нет-с, но... обстоятельства-то вот наши так здесь сошлись, — проговорил Павел Павлович с горестною заботливостью, — ребенок странный и без того-с нервный, после смерти матери больна была две недели, истерическая-с. Давеча ведь какой у нас плач был, как вы вошли-с, — слышишь, Лиза, слышишь? — а ведь из-за чего-с? Всё в том, что я ухожу и ее оставляю, значит, дескать, что уж и не люблю больше так, как ее при мамаше любил, вот в чем обвиняет меня. И забредет же в голову такая фантазия такому еще ребенку-с, которому бы только в игрушки играть. А здесь и поиграть-то ей не с кем.

[Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 34]

Описывая состояние повышенной ранимости и спонтанных вспышек гнева при возникновении приступа истерии, Маккари пишет: «Физические насилия, ранения, даже легкие укусы насекомых способны вызвать приступ истерии у женщин, страдающих этой болезнью. Укус пчелы в шею одной дамы стал причиной приступа» («Les violences extérieures, les blessures, les piqûres même superficielles ont suffi pour faire paraître l'accès chez les femmes qui sont travaillées de cette maladie. La piqûre d'une abeille, faite sur le cou d'une dame, produit l'hystérie») [Maccary, 1810, p. 56]. Родиону Раскольникову («Преступление и наказание») с его гиперчувствительностью достаточно увидеть незнакомого человека, чтобы впасть в подобное состояние, которое сопровождается «дрожью», вводящей его в «столбняк». «...Столкновение с кем-то из незнакомых женщин, может быть, способно было вызвать в нем крик и [истерические] в лице конвульсии начались. Так было, например, вчера при внезапном входе Лужина» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 258]. Подобного рода обостренная чувствительность, свойственная истерическим натурам, является предметом особого внимания Маккари: «...во время истерического приступа чувствительность становится настолько сильной, что даже малейшее впечатление становится невыносимым; больные избегают света и жалуются на его воздействие» («...l'accès hystérique, une sensibilité si grande, que la plus légère impression devenait insupportable; les malades fuient la lumière et se plaignent de son impression») [Maccary, 1810, p. 6–7].

Работая над планом «Идиота», Достоевский с самого начала положил в основу характера Настасьи Филипповны это свойство: «Между тем Геро [Настасья Филипповна] невеста. Чудасит. (...) Сумасшедший побег. Она всё время в истерическом припадке, плачет и хохочет» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 153]; «...она просто, в исступлении и истерике, бежала к нему, и вдруг он женат...» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 181]; «...истерически хохочет и издевается над

появившимся к развязке Князем, что он *боится* жениться на ней» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 234]; «три дня в исступлении: то ругает, отталкивает и смеется над Идиотом, то плачет, умоляет его, чтоб он любил ее, будущую жену его, *льстит ему, ласкает его*. Наконец, заболевает серьезно» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 148].

Переписка Достоевского указывает на глубокий интерес писателя к медицинской психологии. Мысль о возможном влиянии на писателя научных данных из этой области знаний, представленных трудом А. Маккари, проскальзывает и в его известном письме к М. Н. Каткову, где он сформулировал идею будущего произведения как «психологический отчет одного преступления» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 2, с. 136]. Пользовался Достоевский медицинскими терминами и для описания своего состояния здоровья, которое считал «вполне лихорадочным», о чем он 3 мая 1860 года сообщал в письме А. И. Шуберт [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 2, с. 9]. По возвращении с каторги писатель переживал «скуку, грусть (...) апатию и лихорадочное судорожное ожидание чего-то лучшего...» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 1, с. 123–124], отмечал у себя «расстройство нервов» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 2, с. 70, 75, 77, 243 и др.]. В «Дневнике писателя» Достоевского истерия упоминается как болезнь в русле судопроизводственной темы. В своем журнале писатель освещал известное «дело Каировой», покушавшейся на жизнь жены своего любовника с бритвой в руках, так же трактуя этот поступок как истерическое действие. Достоевский выражал сомнение в возможностях медицинской науки справиться с «духовной стороной этих явлений: по каким именно законам происходят в душе человеческой такие переломы, такие подчинения и влияния, такие сумасшествия без сумасшествия, и что собственно тут может значить и какую играет роль сознание?» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 139].

Где и как мог познакомиться Достоевский с монографией А. Маккари о психических болезнях, объединенных им в большую группу под названием «истерия»? Самое вероятное — в библиотеке своего друга и лечащего врача С. Д. Яновского (1815–1897), который пытался излечить писателя именно от той самой нервной болезни, о которой и написана книга французского доктора. Хорошо известно о многочисленных приступах эпилепсии, причинявших Достоевскому тяжелые страдания на протяжении всей жизни. Писатель внимательно следил за развитием заболевания, тщательно фиксировал симптомы и последствия приступов в тетради, буквально рядом с творческими записями к произведениям. Как человек своего времени, он был уверен, что, согласно представлениям медицинской науки XIX века, эпилепсия является одной из разновидностей истерии.

О тяжелых состояниях, вызванных нервной болезнью, которые переживал Достоевский с 1840-х годов, свидетельствует его младший брат Андрей Михайлович: Федор Михайлович действительно «был несколько раздражителен и, кажется, страдал какою-то нервной болезнью», боялся впасть в летаргический сон и оставлял на ночь записки с просьбой не хоронить его несколько дней, если он умрет во сне [Достоевский А. М., 1881, с. 2]. С. Д. Яновский рассказывает:

Покойный Федор Михайлович Достоевский страдал падучею болезнью еще в Петербурге, и притом за три, а может быть, и более лет до арестования его по делу Петрашевского [1849], а, следовательно, и до ссылки в Сибирь. Дело все в том, что тяжелый этот недуг, называемый *Epilepsia* — падучая болезнь, у Фед(ора) Мих(айловича) в 1846, 47 и в 48 годах обнаруживалась в легкой степени; между тем, хотя посторонние этого не замечали, но сам больной, правда смутно, болезнь свою признавал и называл ее обыкновенно «кондрашкой с ветерком». (Заметьте это последнее слово, оно служило мнительному до крайности Фед(ору) Михайл(овичу) как провозвестник припадка, вследствие чего он говорил — «успею добежать до Сенной», т. е. до моей квартиры⁶, а в сущности, это есть один из характеристических признаков *Epilepsia*.) Для меня же как для врача было ясно, что дорогой друг наш страдал падучею.

[Яновский, 1881, с. 2]

Достоевский в этот период не только осознавал свою болезнь и изучал ее симптомы, но и знакомился с медицинской литературой по теме. Как вспоминает Яновский, писатель активно пользовался обширной библиотекой своего лечащего врача:

Федор Михайлович часто брал у меня книги медицинские, особенно те, в которых трактовалось о болезнях мозга и нервной системы, о болезнях душевных... ⟨...⟩ Любимый им предмет изучения был душа человека. Стань он сразу на эту дорогу, он дал бы психиатрии такое движение, пред которым благоговели бы все Шарко, Сигмунты и Вестфали⁷. Ведь когда, бывало, слушаешь Федора Михайловича, как он определяет какое-нибудь побуждение страсти, и как он роется во глубине души человека, чтоб определить причину причин какого-

⁶ Яновский жил в этот момент между Сенною площадью и Обуховским мостом, в доме известного доктора-акушера В. Б. Шольца.

⁷ Жан Мартен Шарко (1825–1893), Зигмунд Фрейд (1856–1939), Карл Фридрих Отто Вестфаль (1833–1890) — выдающиеся психологи и психиатры, согласно мнению С. Д. Яновского, уступавшие Ф. М. Достоевскому в глубине анализа. Косвенным образом это подтверждается глубоким интересом З. Фрейда к творчеству Достоевского [Фрейд, 1995].

нибудь явления, то невольно верилось лишь в тот диагноз, который он давал вам.

[Яновский, 1990, с. 239–240]

Эта увлеченность диагностикой нервных болезней, которую мы видим в его произведениях, сочеталась в нем, как справедливо отмечает Яновский, с неистовой любовью к ближнему своему, «как только можно любить его человеку верующему искренно, доброты был неисчерпаемой» [Яновский, 1990, с. 245]. Вероятно, это и связывает воедино душевные качества великого гуманиста, классика мировой литературы с его глубоким и, можно сказать, жизненно оправданным интересом к медицинской психологии.

Список источников

Алексеева М. А. Неоднозначный мотив смеха в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 4. С. 154–160.

Баршт К. А. Новые линии. СПб.: Нестор-История, 2022. 544 с.

Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции, научное описание. СПб.: Наука, 2005. 336 с.

Болезнь Ф. М. Достоевского [Письмо С. Д. Яновского к А. Н. Майкову от 17 февраля (1 марта) 1881 г.] // Новое время. 1881. № 1973. 24 февр. (8 марта). С. 2.

Буренин В. П. Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 107. 20 апреля.

В. Ч. [Чуйко В.] Вторая империя в романе Эмиля Золя. Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille sous le second Empire, par Emile Zola. Tome premier: La fortune de Rougon. Paris, 1871 // Вестник Европы. 1872. Июль. С. 112–168; Август. С. 594–663.

Достоевский А. М. О Ф. М. Достоевском. Письмо к издателю // Новое время. 1881. № 1778. 8/20 февр. С. 2.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. 30 т.

Емельяников С. Комментарии // Золя Э. Собрание сочинений в 26 т. М.: Художественная литература, 1962. Т. 3. С. 605–678.

Записные тетради Ф. М. Достоевского 1869–1872 к роману «Бесы». Дипломатическая транскрипция. СПб.: Наука (Петербургское отделение), 2021. 583 с.

Золя Э. Карьера Ругонов // Золя Э. Собрание сочинений в 26 т. М.: Художественная литература, 1962. Т. 3. С. 7–346.

Клеман М. К. Начальный успех Золя в России // Язык и литература. 1930. Т. 5. С. 271–328.

Кучборская Е. П. Реализм Эмиля Золя. М.: Изд-во МГУ, 1973. 428 с.

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского в трех томах. СПб., 1999. Том 2. 1865–1874. 593 с.

Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 285–294.

Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 230–251.

Bonnet A. Traité complet théorique et pratique des maladies du foie. Paris: Librairie des sciences médicales, 1841.

Briquet P. Traité clinique et thérapeutique de l’hystérie. Paris: J. B. Baillière et fils, 1859. 716 p.

Cullen W. Synopsis Nosologiae Methodicae. Edinburgh, 1769. 319 p.

Kanes M. Zola, Pelletan and “La Tribune” // PMLA 79. 1964. № 4. P. 473–483.

Kubler C. La face cachée des Rougon-Macquart d’Emile Zola // Littératures. Université Sorbonne Paris Cité, 2017. 265 p.

Maccary A. Essai sur l’hystérie sthénique et asthénique. Paris: De l’Imprimerie de Froullé, 1810. 76 p.

Pinel P. Traité médico-philosophique sur l’aliénation mentale. Paris: J. Ant. Brosseau, 1809. 476 p.

Zola E. La Fortune des Rougon. Paris, 1871. 400 p.

Архивы

РГБ — Российская государственная библиотека.

References

Alekseeva, M. A. (2018) “Neodnoznachnyi motiv smekha v romane F. M. Dostoevskogo ‘Idiot’” [“The Ambiguous Motif of Laughter in F. M. Dostoevsky’s Novel ‘The Idiot’”], *Dostoevskii i mirovaya kul’tura [Dostoevsky and World Culture]*, 4, pp. 154–160.

Barsht, K. A. (2022) *Novye linii [New Lines]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii, nauchnoe opisaniye [The Library of F. M. Dostoevsky: An Experience of Reconstruction, Scientific Description] (2005) St. Petersburg: Nauka.

“Bolezn’ F. M. Dostoevskogo [Pis’mo S. D. Yanovskogo k A. N. Maikovu ot 17 fevralya (1 marta) 1881 g.]” [“F. M. Dostoevsky’s Illness [Letter from S. D. Yanovsky to A. N. Maikov dated February 17 (March 1), 1881]”] (1881) *Novoe vremya [Novoye Vremya]*, 1973, 24 February (8 March), p. 2.

Burenin, V. P. (1871) “Zhurnalistika” [“Journalism”], *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [*Sankt-Peterburgskie Vedomosti*], 107, 20 April.

V. Ch. [Chuiko, V.] (1872) “Vtoraya imperiya v romane Emilya Zolya. Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d’une famille sous le second Empire, par Emile Zola. Tome premier: La fortune de Rougon. Paris, 1871” [“The Second Empire in the Novel by Emile Zola. Les Rougon-Macquart, Nature and Social History of a Family Sous the Second Empire, by Emile Zola. Premier Book: The Fortune of Rougon. Paris, 1871”], *Vestnik Evropy* [*Vestnik Evropy*], July, pp. 112–168; *Vestnik Evropy* [*Vestnik Evropy*], August, pp. 594–663.

Dostoevskii, A. M. (1881) “O F. M. Dostoevskom. Pis'mo k izdatelyu” [“About F. M. Dostoevsky. Letter to the Publisher”], *Novoe vremya* [*Novoye Vremya*], 1778, 8/20 February, p. 2.

Dostoevskii, F. M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh* [*Complete Works in 30 vols*] (30 vols). Leningrad: Nauka.

Emel'yanikov, S. (1962) “Kommentarii” [“Comments”], in Zolya, E. *Sobranie sochinenii v 26 tomakh. Tom 3* [*Complete Works in 30 vols. Vol. 3*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 605–678.

Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo 1869–1872 k romanu ‘Besy’. Diplomaticeskaya transkriptsiya [*Notebooks of F. M. Dostoevsky 1869–1872 for the Novel “Demons”. Diplomatic Transcription*] (2021). St. Petersburg: Nauka (Peterburgskoe otdelenie [St. Petersburg branch]).

Zolya, E. (1962) “Kar'era Rugonov” [“The Rougons’ Career”], in Zolya, E. *Sobranie sochinenii v 26 tomakh. Tom 3* [*Complete Works in 30 vols. Vol. 3*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 7–346.

Kleman, M. K. (1930) “Nachal'nyi uspekh Zolya v Rossii” [“Zola’s Initial Success in Russia”], in *Yazyk i literature. Tom 5* [*Language and Literature. Vol. 5*], pp. 271–328.

Kuchborskaya, E. P. (1973) *Realizm Emilya Zolya* [*The Realism of Emile Zola*]. Moscow: Moscow State University Press.

Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo v trekh tomakh. Tom 2. 1865–1874 [*Chronicle of the Life and Work of F. M. Dostoevsky in Three vols. Vol. 2. 1865–1874*] (1999) St. Petersburg.

Freid, Z. (1995) “Dostoevskii i ottseubiistvo” [“Dostoevsky and Patricide”], in *Khudozhnik i fantazirovanie* [*The Artist and Fantasy*]. Moscow: Respublika, pp. 285–294.

Yanovskii, S. D. (1990) “Vospominaniya o Dostoevskom” [“Memories about Dostoevsky”], in *Dostoevskii v vospominaniyakh sovremennikov. V 2 tomakh. Tom 1* [*Dostoevsky in the Memories of His Contemporaries. In 2 vols. Vol. 1*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 230–251.

Bonnet, A. (1841) *Traité complet théorique et pratique des maladies du foie*. Paris: Librairie des sciences médicales.

Briquet, P. (1859) *Traité clinique et thérapeutique de l'hystérie*. Paris: J. B. Baillière et fils.

Cullen, W. (1769) *Synopsis Nosologiae Methodicae*. Edinburgh.

Kanes, M. (1964) "Zola, Pelletan and 'La Tribune,'" *PMLA* 79, 4, pp. 473–483.

Kubler, C. (2017) "La face cachée des Rougon-Macquart d'Emile Zola," in *Littératures*. Université Sorbonne Paris Cité.

Maccary, A. (1810) *Essai sur l'hystérie sthénique et asthénique*. Paris: De l'Imprimerie de Froullé.

Pinel, P. (1809) *Traité médico-philosophique sur l'aliénation mentale*. Paris: J. Ant. Brosson.

Zola, E. (1871) *La Fortune des Rougon*. Paris.

Информация об авторах:

Константин Абрекович Баршт — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

Ирис Уччелло — аспирант Университета Вероны (PhD researcher) и Санкт-Петербургского государственного университета. Занимается русской литературой XIX века, микроисторией и интеллектуальной историей поздней Российской империи. Фокус ее исследований — творчество Ф. М. Достоевского в контексте юридических и социальных дискуссий изучаемой эпохи. Публиковалась в международных научных журналах «Достоевский. Материалы и исследования», «Автобиография», «Esamizdat», «Umanistica digitale», «Мир русского слова» и др. Участвовала в международных научных конференциях (BASEES, University of Cambridge, 2024; University of Glasgow, 2023; Варшавский университет, 2023 и др.). Проходила научные стажировки в Государственном Эрмитаже (2017), Пушкинском Доме (2021) и Университете Джорджтауна (США, 2025).

Information about the author:

Konstantin A. Barsht — DSc in Philology, Professor, Leading Research Fellow at the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (IRLI). Address: 4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Iris Uccello — PhD student at the University of Verona and St. Petersburg State University. Her research interests include 19th-century Russian literature, microhistory, and the intellectual history of the late Russian Empire. Her research focuses on the works of F. M. Dostoevsky in the context of the legal and social debates of the era under study. Published in international scientific journals such as “Dostoevsky. Materials and Research,” “Autobiography,” “Esamizdat,” “Umanistica digitale,” “The World of the Russian Word,” etc. Participated in international scientific conferences (BASEES, University of Cambridge, 2024; University of Glasgow, 2023; University of Warsaw, 2023, etc.). Completed research internships at the State Hermitage Museum (2017), Pushkin House (2021), and Georgetown University (USA, 2025).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025;
принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 18.02.2025;
approved after reviewing 01.09.2025;
accepted for publication 10.09.2025.